

ЭРНСТ ЮНГЕР. НА МРАМОРНЫХ УТЁСАХ

Мы прошли в библиотеку, где застали брата Ото, и пока Лампуза готовила вино и булочки, мы завели разговор с нашими гостями. Бракмара мы знали еще по прежним временам, хотя видели его лишь вскользь, поскольку он часто уезжал в путешествия. Это был невысокий, темноволосый, поджарый малый, которого мы находили несколько жестким, но, как все мавританцы, не лишенным ума. Он относился к тому типу людей, которых мы в шутку называли охотниками на тигров, потому что их встречаешь преимущественно в ходе приключений, носящих экзотический характер.

Он шел навстречу опасности, как в спорте поднимаются на изобилующие обрывами массивы; равнины были ему ненавистны. Он обладал крепким сердцем, которое не страшится преград, но к этой добродетели, к сожалению, добавлялось презрение. Как все энтузиасты власти и превосходства, он переносил свои буйные мечты в царство утопии. Он придерживался мнения, что на Земле изначально существовало две расы, раса господ и слуг, и что с течением времени они перемешались между собой. В этом отношении он был учеником Старого Запальщика и, как тот, требовал нового разобщения. И, как каждый грубый теоретик, он соответственно духу времени жил в науке и особенно занимался археологией. Он недостаточно тонко мыслил, чтобы догадаться, что наша лопата безошибочно находит все вещи, которые живут у нас в помыслах, и в результате, как уже многие до него, будто бы открыл место происхождения рода человеческого. Мы всеемте были на заседании, где он делал доклад о своих раскопках, и слышали, что в одной отдаленной пустыне он наткнулся на причудливое горное плато. Там на большой равнине высились высокие порфирные цоколи – выветривание их пощадило, и они стояли на земле, как бастионы или скальные острова. Бракмар забрался на них и обнаружил на плоскогорье развалины княжеских замков и храмов Солнца, возраст которых он обозначил как довременный.

Описав их размеры и своеобразие, он живописно воскресил страну. Он показал тучные зелёные пастбищные доли, на которых, насколько хватало глазу, жили пастухи и земледельцы со своими стадами, а над ними на порфирных башнях в красном великолепии – орлиные гнёзда исконных повелителей этого мира. Он также изобразил, как по нынче давно иссякнувшему потоку вниз идут корабли с пурпурными палубами; так и увиделось, как сотни вёсел с насекомообразной ритмичностью погружаются в воду, и был слышен звук литавр и бича, опускающегося на спину злополучных галерных рабов. Это были картины для Бракмара. Он относился к категории конкретных мечтателей, которая крайне опасна.

В молодом князе, с отсутствующим видом сидевшем здесь, мы увидели человека совершенно иного свойства. Ему, должно быть, едва перевалило за двадцать, но печать тяжёлого страдания, которую мы заметили на его лице, находилась в странном противоречии с этим возрастом. Несмотря на высокий рост, он сильно сутулился, как будто не мог совладать с ним. И он, казалось, не слушал, о чём мы беседовали. У меня сложилось впечатление, что в нем соединились преклонный возраст и крайняя молодость – возраст рода и личная молодость. В его облике ярко выразилось декадентство; в нем можно было заметить черту древнего потомственного величия, но также черту ему противоположную, какую Земля накладывает на всякое наследство, ибо наследство – это имущество умерших.

Я, пожалуй, ожидал, что в последней фазе борьбы за Лагуну на сцену выступит аристократия – ибо в благородных сердцах страдание народа пылает горячее всего. Когда чувство права и обычая исчезают, и когда ужас помрачает разум, силы людей-

однодневки быстро иссякают. Однако в древних родах живет знание истинной и легитимной меры, и из них произрастают новые ростки справедливости. По этой причине у всех народов первенство отдается благородной крови. И мне верилось, что однажды из замков и горных оплотов поднимутся вооруженные люди, как рыцарственные вожди в борьбе за свободу. Вместо этого я увидел этого раненого старика, который сам нуждался в защите и вид которого со всей очевидностью показал мне, как далеко уже зашел упадок. И там не менее казалось чудом, что этот утомленный мечтатель чувствовал себя призванным предоставить защиту – так самые слабые и самые чистые взваливают на себя железные тяжести этого мира.

Я уже внизу у ворот догадался, что привело к нам эту фару с затемненными фарами, и мой брат Ото, похоже, тоже знал это еще прежде, чем было произнесено первое слово.

Потом Бракмар попросил нас описать ситуацию, которую брат Ото представил ему во всех подробностях. Вид, с каким Бракмар всё выслушал, позволял предположить, что он был превосходно осведомлен обо всех действиях и противодействиях. Ибо прояснение ситуации вплоть до мельчайших деталей является мастерством мавританцев. Он уже говорил с Биденхорном, лишь отец Лампрос был ему не знаком. Князь, напротив, застыл в согбенных грёзах. Даже упоминание Кёпшельсблеека, испортившее настроение Бракмару, похоже, от него ускользнуло; только услышав об осквернении Ебургин'а, он гневно вскочил со стула. Потом еще брат Ото в общих словах обрисовал ему наше мнение о положении дел и о том, как нам следует вести себя. Бракмар выслушал это хотя и вежливо, но с плохо скрываемой усмешкой. У него на лбу было написано, что он видит в нас только тщедушных фантазеров и что его суждение уже сформировано. Так случаются ситуации, когда каждый считает мечтателем каждого.

На первый взгляд могло показаться странным, что в этой коллизии Бракмар хотел выступить против старика, хотя обоих в их стремлениях связывало много общего. Но здесь мы допускаем ошибку, которая нередко вкрадывается в наш образ мыслей, и состоит она в том, что при тождестве методов мы делаем заключение акже и о тождестве целей и о единстве воли, которая за этим стоит. Ибо различие было в том, что старик предполагал заселить Лагуну извергами, а Бракмар рассматривал ее в качестве земли для рабов и для рабских армий. При этом всё, в сущности, вертелось вокруг одного из внутренних конфликтов среди мавританцев, описывать здесь который в подробностях не имеет смысла. Следует лишь сказать, что между законченным нигилизмом и дикой анархией существует глубокий антагонизм. Речь в этой борьбе идет о том, должно ли человеческое поселение быть превращено в пустыню или в дремучий лес.

Что же касается Бракмара, то в нём были ярко выражены все черты позднего нигилизма. Ему присущ был холодный лишенный корней интеллект, а так же склонность к утопии. Он, как все ему подобные, воспринимал жизнь как часовой механизм, а в насилии и ужасе видел приводные колёса жизненных часов. Одновременно он оперировал понятиями какой-то второй, искусственной природы, упивался ароматом поддельных цветов и наслаждениями разыгрываемой чувственности. Созидание в его груди было убито и восстановлено снова, как механизм курантов. На лбу его цвели ледяные цветы. При виде его, должно быть, вспоминали глубокое изречение его наставника: «Пустыня растет – горе тому, кто скрывает пустыни!».

И тем не менее мы испытывали едва заметное расположение к Бракмару – не очень сильное потому, что у него было сердце, ибо по мере приближения человека к горным породам, заслуга, основанная на мужестве, уменьшается. Это была скорее тихая боль,

в нём достойная любви, - горечь человека, потерявшего своё счастье. Он стремился отомстить миру за это, словно ребёнок в тщеславном гневе топчущий ковёр из цветов. Он и себя самого не щадил, и с холодным мужеством проникал в лабиринты ужаса. Так, утратив ощущение родины, мы ищем дальше приключений по всему миру.

Он пытался мысленно дорисовывать жизнь и считал, что мысль должна показывать зубы и когти. Но его теории походили на дистиллят, в который не перешла настоящая сила жизни; ему не доставало драгоценного градиента изобилия, который только и придаёт вкус всем блюдам. В его планах царила сухость, хотя в логике невозможно было найти ошибку. Так исчезает благозвучие колокола из-за невидимой трещины. Это объяснялось тем, что власть слишком сильно жила у него в мыслях и слишком мало в *grandeza*, в прирожденной *desinvolture*. В этом отношении его превосходил старший лесничий, тот носил насилие, как добрую старую охотничью куртку, которая становилась тем удобнее, чем чаще она пропитывалась грязью и кровью. По этой причине у меня и сложилось впечатление, что Бракмар как раз собирался принять участие в дерзкой аванюре; во время таких столкновений практики всё ещё побивали приверженцев этики.

[Источник: Эрнст Юнгер. На мраморных утёсах. Ад Маргинем Пресс, 2009 г., 256 стр.](#)

КОММЕНТАРИИ ДУГИНА К М.Х., ЛЕКЦИЯ "АНАЛИТИКА БЕЗДНЫ"

ДВА ПОДХОДА К ДАЗАЙНУ

Дазайн – это остаток, остаток колоссальной западно-европейской интеллектуальной деятельности, остаток ничтожения. Сначала Дазайн – это озарение (феноменологическое), а потом – остаток философской мысли, забвения вопроса о Бытии. Таковы две линии подхода к Дазайну: личностная (эмпирическая) и интеллектуальная. **Дазайн – единственное, что есть, и единственное, что осталось.** Дазайн нельзя понять через что-то еще, а только через Дазайн.

ДАЗАЙН, СХОЛАСТИКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

Дазайн рассматривался исходя из трех мест. В теологии, схоластике: Треугольник, с вершиной – Бог. Нижние точки – Субъект и Объект, *ens creatum*. Абсолютное Бытие создает неабсолютное бытие, человеческую душу и объект (окружающее) – субстанционально сущие, черпающие свое бытие из Абсолютного Бытия. В Новом Времени, после Декарта в триаде меняется Центр. Полноценное Бытие, полноценное "есть" переходит к Субъекту – мыслящему человеку. Объект – протяженность. Вопрос о Бытии доказывается через мышление – автором мышления, автором онтологии становится гносеологический субъект. Бог появляется уже через мышление. Бытие Бога начинает рассматриваться как причинная инстанция, необходимость для фундаментального утверждения. В Англии складывается другая гносеологическая модель. Рационалисты Франции против эмпириков Англии, у которых Бог появляется из необходимости реальности – *res cogito*. Лейбниц обосновывает бытие Монады, в которой Субъект и Объект совпадают, и в этом совпадении находится Бог. Это финт к остывающему Треугольнику метафизики. Лейбниц пытается увильнуть от онтологического разрушения Нового Времени. Все три онтологических ответа неудовлетворительны, и эта неудовлетворительность становится центром дальнейшего развития философии. Появляется Кант.

КАНТ, ГЕГЕЛЬ, ГУССЕРЛЬ

Кант до сих пор не понят. Кант – это уже постмодерн, гигантский рывок вперед, а не тонкий субъективный идеалист, как его представлял М.Х. Мы не можем доказать,

опираясь на разум, онтологическое существования Субъекта, Объекта, Бога, говорит Кант. Субъект – Ноумен. Объект – Ноумен. Бог – Ноумен. М.б., на вершинах треугольника ничего нет?... Мы будем мыслить, как бы форсируя представление, аперцепционно. Таковы посылы кантианства. Отсюда и морализм Канта: Бог должен был бы быть. **Практический разум только усугубляет Чистый разум.** Это подобно добрым поэмам Лотреамона, которые подчеркивает ужас песен Мальдорора – "Жить надо непременно хорошо", в этом принципе, приходящем после и среди ужасающего сущего, накал кошмара, на самом деле, только увеличивается. То же и с практическим разумом у кантианцев. Иоганн Фихте пытается справиться с Кантом, говорит: Субъект – единственное, что есть. Без Субъекта людям совсем неуютно: "ну, я – то есть...". **Гегель тоже работает над кантианским зиянием: Бытие и мышление совпадают**, - он пытается исправить брешь, которую нанес Кант, чтобы продлить философию Нового Времени путем исключения закона об исключенном третьем. Далее появляется **феноменология Гуссерля – последовательное правильное кантианство**, выносящее за феноменологические скобки онтологическое начало и призывающее "К вещи!". Феноменология подготовила для М.Х. извне представление о Дазайне. Феноменология заявляет: Бог, С., О. – есть апостериорно... но чему? Явленности, феноменальному. И тут, **в конце забвения Бытия, Х. задается вопросом о Бытии и находит, что есть (остался) только Дазайн.**

ВОТ-БЫТИЕ

Есть гипотеза Гумбольдта о происхождении личных местоимений от наречий места (в немецком языке тройная структура), упоминаемая в "Бытии и времени". В немецком "Вот" это не "здесь", и не "там", м.б. здесь, м.б. там. Поэтому мы будем переводить Дазайн как **Вот-Бытие, а не Здесь-Бытие.** В "вот" еще нет дистанции разводящих "здесь" и "там", но "вот" при этом указывает. Французы вообще перевели как "человеческая реальность" (realite humaine). Как бы искренне экзистенциалисты не хотели осознать Дазайн, они, содержась под западно-европейским Вот-Бытием, отсылали его к индивидууму в той или иной степени.

ЭКЗИСТЕНТНОЕ

Экзистенция у Х. впереди **эссенции.** Х. рассматривал Дазайн не как экзистенцию, экзистенция – это то, как и через что открывается Дазайн. Тут возникает аналитика экзистирования Дазайна. Онтическое (экзистентное): то, как Дазайн воспринимает себя и внешний мир по факту. Онтологическое: то, как Дазайн, следуя за онтическим, развивает самоосознание. **Фундаменталь-онтологическое** для среднего Х.: Сущее и Бытие, их несовпадение. У раннего Х. **онто-онтологическое** почти синоним **фундаментально-онтологического.** Онтология Дазайна по Х. как правило некорректна. Для того, чтобы скорректировать ее, необходимо вернуться к онтике и к переходу онтики в онтологию. Тут и возникает Онтико-онтологический или **Фундаменталь-онтологический** уровень. Таков экзистенциальный подход, проверка осмысленного уровня Дазайна возвращением вниз, в онтическое. **Фундаменталь-онтологический** уровень – не более высокий уровень онтологии, онтология, напротив, с ним идет вниз, в глубину! **Экзистенциал** – это способ описания Дазайна, противопоставляющаяся рациональной **категории.**

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ

Экзистенциалы Дазайна. Чтобы их понять, необходимо крушить две вещи "Я есть" и "Мир есть" – фундаментальные выводы богоубийства. **"Я есть и мир есть, потому**

что Бог умер" – так звучит культурная результирующая смерти Бога и развития европейской мысли. Дазайн – это факт пространственно шевелящегося Бытия.

In-der-welt-Sein. Где, а не в чем. Это бытие-в-мире не предполагает мир, хотя и предшествует миру. Сначала Дазайн – это бытие-в-мир, а потом уже – мир. Наиболее же фундаментальный уровень **In-Sein (Бытие-в)**. Пространственности до Дазайна нет. Но он через нее проявляется.

Die Sorge. Забота. Рассмотрение мира как **vorhandene** ("под рукой") или **zuhandene** ("к руке"). Это онтологический уровень: самобытие мира возникает как то, что можно схватить.

Понимание – экзистенциал Дазайна от Бытия-в-мире как Бытия "под рукой".

Заброшенность (Geworfenheit) – найденное, найденность (Befindlichkeit).

Это такое Найденное, которое находится, когда уже никто не ищет заброшенное.

Stimmung – настроенность, настроение, мелодика.

МОДУСЫ ДАЗАЙНА

Дазайн существует в двух модусах: первый - **eigene** (аутентичное, собственное), и второй - **uneigene** (не аутентичное, не собственное), в котором он, в основном, и экзистирует. Самость Дазайна лежит в аутентичном, но открывается он, как правило, в неаутентичном, через приваацию. **Durchdringende Alltäglichkeit** – **всепронизывающая повседневность** – просто неаутентичное экзистирование Дазайна. Это падающее Бытие Дазайна – **Verganglichkeit** в **vorhandene**. Падение Дазайна конституирует повседневность, ткет панно - всепронизывающую повседневность. **Дазайн таков, что сам себя отчуждает. Не повседневность извращает Дазайн, но сам Дазайн ее осуществляет.** **Gerede** – неакцентированное всебормотание, болтовня неаутентичного Дазайна, бубнёж, вечное возвращение одного и того же. **Neugierigkeit, Любопытство**, жадность к новому. Видеть новое – это не понимать видимое – таково принципиальное нежелание осмыслить, которое влечет энергию **Neugierigkeit**. Горизонталь болтовни и вертикаль любопытства – экзистенциалы неаутентичного Дазайна, постоянное блудное созерцание, ни к чему не тяготеющее. Фигура **Das Man** (Думают, говорят). Кто делает, кто такой, кто делает что-то во всепроникающей повседневности? Неаутентичный Дазайн сам себе отвечает: **Das Man**. Это Субъект повседневности, Кто Падения. **Das Man** порождает неаутентичную онтологию, это он говорит о Субъекте, об Объекте, в каком-то смысле о Боге. Дасман говорит "Я", "реальность" ("мир"). Он впоследствии же учреждает Ленивого Бога.

Аутентичное Вот-Бытие, Дазайн собственный (eigene) сконцентрирован на возможности быть. Что может сказать о себе собственное Бытие. Только: Вот-Бытие, Вот-Бытие есть, Есть. Осознает он свою Заброшенность, и свое Вот как **Stimmung**. Вот-Бытие на самом деле и конституирует экзистенциальную пространственность. Кто является Кто Дазайна, подлинным его Субъектом? **Наличие, Selbst** (равенство себе, хотя он содержит в себе фундаментальное неравенство), **Бытие-к-смерти (Sein-zum-Tode)**. **Sein-zum-Tode** открывается через **Ангст (Angst)** (абсолютный беспрерывный тотальный **Ужас**), противоппоставляющийся Страху (**Furcht**). Подлинный Дазайн через Ангст и Бытие-к-смерти осознает себя как абсолютно конечный! Он вызывается через **Gewissen** (совесть, сознание, постоянное ощущение вины). **Дазайн принципиально фундаментально и абсолютно виновен**, но он старается в несобственном экзистировании скрыть это, нивелировать. Чистая Вина напоминает Дазайну о его неподлинном модусе. Это не совесть морали. **Мы должны ничего не натворить, чтобы почувствовать степень нашей наивысшей виновности – неискупимую Вину Дазайна.** Что касается **Selbst**, то именно

Dasein в своей конституции, в своей самости, т.е. в своей Selbst, не есть оно само, так как оно не есть ни сущее как другие сущие, хотя и является сущим, ни бытие как чистое бытие, хотя и является бытием.

БЕЗДНА

Определение: Дазайн – это такое **das Seiende (Сущее)**, которое есть **Sein** (Бытие) и которое может быть обращено к возможности-быть. В отл. от Дазайн другие сущие не могут сказать свое "Вот". Это подводит нас к феномену Бездны – **Abgrund**. У **das Seiende** различия и неразличия **Sein** и **das Seiende** создает иллюзию Grund, покоенности на почве, на дне, на твердом. На самом деле сущие не покоятся нигде, они в Бездне. Только Дазайн понимает, что этой почвы нет, и он Падает (**verfallen**), потому что **Abgrund, Бездна** ему дана как таковому. Отсюда и безумная озабоченность, и другие экзистенциалы Дазайна, которого нет у других сущих. **Das Man** возникает, поскольку постоянное падание в Бездну невыносимо и ужасно. **Бытие сущего и есть Бездна, Бытие есть Ничто**, как говорит средний Хайдеггер. Abgrund – важнейший экзистенциал подлинного Бытия. Опыт Бездны может осмысляться двояко: онтологически и фундаменталь-онтологически. Онтология выстраивает над бездной хлипкий мост (**Vorstellung, представление**). Фундаменталь-онтология ищет саму Бездну, ее дно.

ВРЕМЯ

Дазайн принципиально конечен. Время тоже. И потому мы говорим: Вот-время. Время совпадает с Дазайном. Время – это Экстаз, Исступление, Экстатика. У времени есть три экстаза: бывшее (бывшее есть), то, что есть, и будущее. Весь секрет времени в Будущем. Исступление Будущего и испуг в Будущее. **Zeitlichkeit** (временность) онтологически понятое – это горизонт возможности быть, то есть Вот-Бытия открывающегося. Горизонт бывшего связан с заброшенностью. Продолжая Х., Время надо понимать вертикально. Вброшенное Бытие получает свое бывшее. С нами было только одно – нас забросили, и мы находимся. Вот и все, это первый горизонт Времени. И мы идем к Будущему как к возможности (Вот) Быть. Время это движение от Да к Sein, от «Вот» к «Бытию». Через Бытие в абсолютном Ужасе устанавливается наше настоящее – второй горизонт Будущего. Время разворачивается из Будущего, а не из прошлого. Только Будущее подлинно, в той степени, в какой оно будет, оно было и есть. Бывшее – это базовый модуль Заброшенности и Находимости (**Geworfenheit и Befindlichkeit**). Будущее есть возможность Бытия. Реализация Дазайном возможности быть, удерживая в сознании опыт **Geworfenheit**, порождает настоящее, то, что есть.

ХАЙДЕГГЕР И ПОСТМОДЕРН

Философия Х. – это ясный и полный постмодерн, в нем нет ничего от модерна. Субъекта, Объекта, Бога нет, Автор умер еще при Канте, и нечего здесь визжать, призывая к его смерти, как это делают отдельные наивные "философы". Ризома, как ее мыслят Делеза и Гваттари есть постструктуралистская вариация темы Дазайна. Есть аутентичный ПоМо, а есть неаутентичный. Но это одно и тоже Вот-Бытие, об этом не надо забывать.

Конспект Нестора Пилявски.

ПЬЕР КЛОССОВСКИ

БАФОМЕТ

– Меня звали Фридрихом, – откликнулся муравьед, вновь заимствуя голос юного отрока. – Но я совсем не тот, о ком ты думаешь!

Поскольку Ожье не произнес ни звука, никто не понимал, каким образом его голос так четко звенел в глотке чудища. И хотя Смотритель Ордена пребывал в нетерпении: сочтя подростка чревовещателем, он уже собирался припасть ухом к его животу, Великий Магистр счел за лучшее избежать этой демонстрации и подал Ожье знак подойти и сесть рядом. Паж, потряхивая длинными кудрями, с радостным и торжествующим видом занял место рядом с ним; опершись локтем о вторую ступеньку алтаря, он прижался щекой к колену сира Жака. Тот, проведя рукой по волосам отрока, заметил, что брат Лаир продолжает разглядывать Ожье пристальнее, чем на то могли бы быть причины, и продолжил свой допрос:

– Ответствуй без боязни: поскольку ты не Фридрих Гогенштауфен, пресловутый Антихрист, выдачи которого требуют, значит, и осаждают нас не Престолы и Власти: будь спокоен, я не выдам тебя, а если они зарятся на твое царство, буду сражаться на твоей стороне!

– Царство мое не от мира сего; иначе бы все муравьеда на свете явились за меня сражаться! Но я не царь муравьедам!

– Не богохульствуй! Ты наверняка предстал перед нами в таком виде, дабы искупить свои кощунства в отношении Того, кто говорил так ради нашего искупления!

– Я есмь путь и истина и жизнь!

– Еще раз, не богохульствуй, Фридрих!

– Я есмь Антихрист! а все, что говорит Христос, говорит и Антихрист! Ни в чем не отличаются наши слова! Их можно различить, лишь извлекая из них следствия!

– И какие же следствия вытекают из твоих? Если ты – Антихрист, яви чудо на погибель избранным! Здесь, насколько я знаю, нет ни одного из них...

– Действительно ли знаешь??.. О Великий Магистр! если не хочешь быть изгнан из своей крепости, лучше выдай меня! ибо повторяю тебе: я есмь путь и истина и жизнь!

– Клянусь честью, ты останешься нашим гостем и нашим братом! Я излечу тебя от мысли, будто ты – Антихрист! Что же до тех, кто осаждают меня, я встречу их со всей стойкостью!

– Не сомневайся, именно Престолы и Власти сказали тебе, почему осаждают твою крепость, почему хотят моей выдачи!

– Почему? Тебя обвиняют в том, что как-то раз при виде пшеничного поля ты заявил: Как много здесь растет богов!

– Совсем не это тебе обо мне сообщили, о Великий Магистр, твоя историческая память увиливает от проблемы! Я сказал куда лучше! Ну, вспоминай же!

– Что же ты сказал еще худшего?

Муравьеда поначалу вновь охватила та дрожь, которую Ожье истолковал как его манеру смеяться, но, чтобы доказать, что это предположение не безосновательно, он разродился уже не полудетским голоском подростка, а раскатами замогильного голоса:

– Когда один из богов провозгласил себя единственным, все остальные умерли от безумного смеха!

– Ты насмехаешься? – вскричал, внезапно разъярившись, Великий Магистр. – Немедленно оставь эту видимость, гнусный чародей!

Муравьед поднял свою крохотную головку и склонил ее набок:

– Чародей? Ты такой же чародей, как и я.

И он принялся лизать руку Ожье.

Другие братья-рыцари жались у двери в молельню; им были слышны лишь задаваемые вопросы, ответы же никто не понимал слово в слово, а разгадывал только после новых вопросов; кое-кто решил, что Великий Магистр развлекается с Ожье. Но у группы рыцарей, которая с некоторого момента присматривала за поведением юного паж, сложилось совсем иное впечатление: Ожье, очевидно, следовал за разговором, не произнося ни слова, и они были убеждены: чтобы муравьед мог настолько позаимствовать его почти детский голос, и в том, и в другом должен был обращаться один и тот же дух.

– Что же это за господчик, как два сапога неразлучный с этим косматым чудищем? – спрашивали они друг друга. – Как он выносит сей жуткий язык и не боится его омерзительного прикосновения! Не ловушка ли это, в которую заманивают нас осаждающие? Посмотрите, сир Жак совсем бледен и весь покрылся потом! А брат Дамиан неподвижен и нем! – И они украдкой бросали беспокойные взгляды в сторону нового исповедника Храма: ну а последний, полузакрыв глаза, стараясь не выдать ничего из своих чувств, ибо все эти осязаемые физиономии, выдававшие себя за усопших, и сами речи покойников в сих громогласных устах вызывали у него головокружение, не отводил взгляда от самого оживленного из этих рыцарей, брата Лаира.

Муравьед продолжал лизать руку Ожье, и юный паж тому не противился: с отсутствующим взглядом, он, казалось, впал в странный столбняк.

– Убери руку! – закричал ему Великий Магистр. Но отрок не шелохнулся.

Вдруг нетерпеливый брат Лаир наклонился вперед: он падает на колени. И вот, охваченный светящимся облаком отрок предстает перед их взглядами в совершенной девической наготе, но, что странно, сохранив стоящий уд. Великий Магистр откинулся назад: ослепительному существу поклоняется муравьед. Грохочущий голос провозглашает слова: *В нем мое благоволение!* Все рыцари простираются ниц; разносится единственный возглас: «*Gloria in excelsis Baphometo!*» Тогда – но очень далеко – в деревне пропел петух: и сразу же с грохотом погасли все отблески.

[Цитация по: Клоссовски, П. Бафомет / Сост. и пер. с фр. В. Лапицкого. — СПб.: Академический проект, 2002.](#)

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ ГОЛОВИН. VERWESUNG

"Mannerism"

Непримиримая вражда оппозиций, жизнь *in bello non in pace*. Надо "плыть против потока, чтобы охотиться с быками на зайца", по словам знаменитого трубадура Арно Даниэля. Нарочитой диссонантностью отличались темы поэтических состязаний в Блуа, Тулузе, Аррасе. Например: "умирающий от жажды путник и хрустальный ручей". Некоторые участники принимали "хрустальный ручей" за метафору, но им говорили: простите, ручей из хрусталя, надо поэтизировать чувства путника при этом открытии, а также дать описание обитателей ручья.

Так как в любой стихии, в любой вещи живет...некто. В сонете Жерара де Нерваля "Золотые стихи Пифагора" сказано: Часто в темной вещи обитает тайное божество, И светлый дух растет под грубой корой. Слово, как глаз, покрытый веками. Скульптор, художник, поэт стараются угадать "дух" или "божество" той или иной субстанции. В деревьях несомненно живут дриады, в камнях - диэмеи, в ручьях - нимфы и тритоны. Умирающий от жажды путник бродит по берегу, разглядывая неподвижные хрустальные волны в малиновой позолоте заходящего солнца, его отчаянье разбивается роскошным многоцветием, дивной формальной роскошью и - кто знает? - из подводной глубокой синевы протянет руки...Она.

Вероятно, путник скорее умрет, нежели дождетс такого счастья, но это пустяки. Не душа в теле, но тело в душе, сказал Уильям Блэйк. Мертвое тело путника останется легким изъямом на периферии души, быстро проходящим изъямом. Сравнительную ценность объектов определяет не материальный субстрат, но эманации, ассоциации, легкость метаморфоз. Отсюда излюбленные темы маньеризма: звезда, луна, павлин, летучая рыба, лебедь, Актеон, зеркало, веер. Джакомо Любрано (17в.) "Электрический скат" : Чешуйчатый опиум в скользкой летаргии. Каприз неподвижного вихря... Отродье морское жадно выдыхает Ледяную эпилепсию судорожной зимы. Эффект и повадки опасной твари рождает нарочитость метафоры. Для прециозного поэта дистанция первична, потому данный образец морской фауны не вызывает ни малейшего любопытства, это просто стимул знергии метафоры. Маньеризм не интерпретирует этот мир идеологически и не считает нужным познавать. Удивительной отчужденностью веет от поэмы Луиса де Гонгора "Полифем и Галатея". В одном эпизоде Полифем " отдал глаза и губы кристаллу неподвижному (спящая Галатея) и кристаллу подвижному (ручей)". Дистанция совершенно

необходима для преодоления фатального притяжения. Артистам подобного плана чужды естествоиспытатели, революционеры, деструкторы, фанатики благ земных. Цель хороша своим присутствием, а не страстью неперемного достижения - отсюда "любовь издалека". Вертикальная ось индивидуального бытия проецирует незримый радиус круга амбиций - выход за пределы грозит опасностью рапада.

"Правда и ложь бессмертия"

Необходимо различать типы бессмертия, что также не очень просто. Есть бессмертие и есть неопределенное продолжение жизни. Это совершенно разные вещи. И розенкрейцеры искали как раз разрешения проблемы бессмертия.

Как известно, в 1625 году знаменитый астролог, астроном и член ордена розенкрейцеров Роберт Фладд издал очень любопытное сочинение, которое называется "Кодекс ордена Розы и Креста". В нем существуют несколько параграфов относительно бессмертия, относительно богатства, относительно извечной мечты человечества. Но этот документ совершенно поразителен еще и тем, что он страшно ограничивает прием людей в орден. Там сказано, что тот человек, который сможет игрой на музыкальных инструментах привлечь к себе сколь угодно золота и драгоценных камней, вступает в орден. Тот человек, который сможет доказать, что ему 160, 170 лет - практически не менее 200 лет - тоже имеет право вступить в орден.

Давайте будем относиться к этому серьезно, к тому же Роберт Фладд был, судя по всему, и в первую очередь по его сочинениям, человеком весьма серьезным. Не будем впадать в очередное заблуждение современных людей, полагающих, что-то, что они не понимают, не было понятно никогда, и считающих людей, говорящих о непонятных вещах, просто шарлатанами.

Очевидно, Роберт Фладд, друг Кеплера, известный ученый, не был шарлатаном. Что же он, собственно, имел в виду? Он поясняет, что под бессмертием он понимает нормальный переход от физического к квинтэссенциальному телу. То есть, переход в более тонкое состояние бытия. Что это такое? Это значит, что человек переходит уже в своего звездного двойника. Да, он умирает в этой жизни, потом его, естественно, хоронят, но он сохраняет возможность перейти в какое либо другое тело и жить в нем дальше сколь угодно долго. При этом он сохраняет память о своих предшествующих существованиях. Наверное, именно это можно относительно назвать бессмертием.

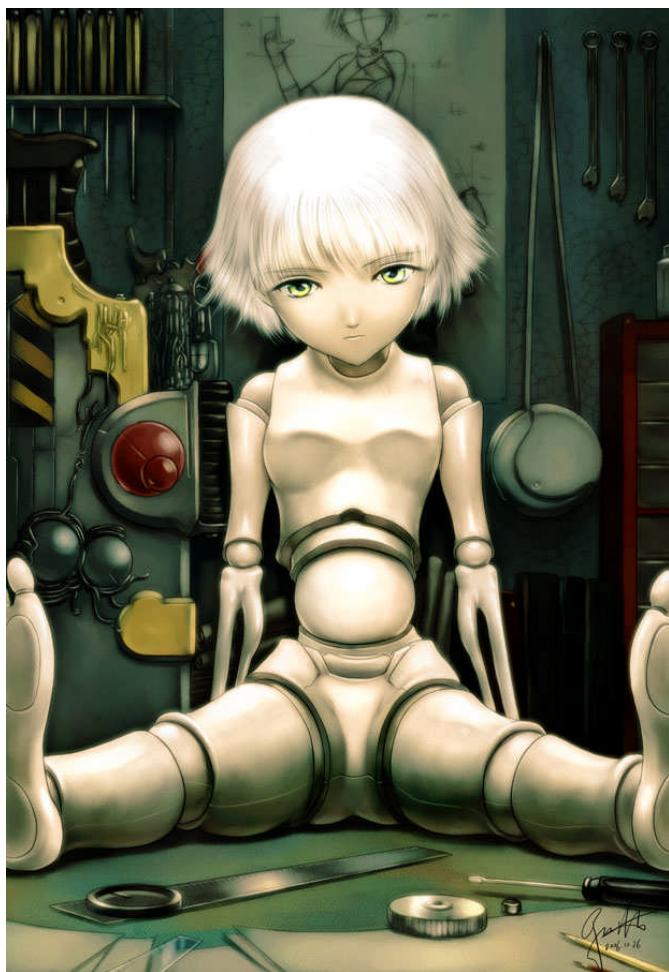
Что касается относительной пролонгации жизни, то это другой вопрос, связанный, опять же, с магическим строением Нового времени. Ибо современные люди полагают, что они живут один раз, но иногда у них могут возникнуть некоторые сомнения на этот счет. И тогда они задаются вопросом, что же будет после смерти, если вдруг тело не будет разлагаться в земле, если вдруг будет нечто типа кошмара, тяжелого сна. Многие люди обращаются к религии как раз из-за такой дикой паники потерять человеческую жизнь, хотя, с точки зрения магической философии, эта жизнь - просто пустяк и больше ничего, это просто эпизод в нормальной человеческой жизни.

"Заговор Кукол"

С точки зрения магии вполне объяснима дикая страсть современных людей к восковым изображениям, манекенам и куклам любого плана. Дело в том, что, когда от людей уходит жизнь, они стараются бессознательно наделить кукол определенной жизнью. Причем, это - процесс действительно совершенно бессознательный. Вот манекен в витрине магазина - что, казалось бы, может быть невиннее?

Но это совсем не манекен, это живое, очень зловещее существо. Существо очень вампирическое, требующее ухода за собой. Существо (и это действительно

зарегистрированный случай), внезапно исчезающее по ночам и появляющееся на рассвете. Это совершенно непонятно, это звучит сказочно, но это факт. И это как раз и говорит о том, что игра с куклами, как и многое другое, что когда-то было игрой, становится угрожающей реальностью.

К этому имеет отношение и каббалистическая практика оживления Голема. Ведь Голем - не что иное как кукла, а тематика Голема тоже обладает какой-то центральностью в современной культуре. Но, с другой стороны, с Големом ситуация намного более тонкая, потому что оператор, делая и оживляя Голема, очень хорошо знает, что он делает.

И здесь мы опять наталкиваемся на ту же самую проблему: если каббалисты и маги знали, что они делают, то современные ученые, дизайнеры и инженеры не очень хорошо представляют это, не понимают философских истоков и философского обоснования своих изделий. Ведь когда

рабби Лев сделал своего знаменитого Голема, он сделал это с совершенно определенной целью, более того, он знал, как его убить. Тем самым эта черно-магическая и каббалистическая практика имела определенную сознательную грань. Но, естественно, процесс этот уже давно не каббалистический и не магический, он совершенно стихийный, с интеллектуальной точки зрения.

"В сторону легкомыслия"

Тремя веками ранее «ученого незнания» Николая Кузанского схолиасты ввели понятие «принципиального незнания» (*ignorantia principia*). Это натуральное незнание, свойственное всем. Ответов на вопросы «кто мы, откуда, куда идем?», несомненно, нет, потому что любое познание суть предположение и не может иметь онтологической ценности. Ничего не зная о себе, нельзя, очевидно, что-либо достоверно знать об окружающем. Если нельзя дважды войти в одну реку, нельзя дважды встретить одного человека, дважды попасть в одну ситуацию и т.д. В таком случае метод вопросов и ответов сомнителен. Схолиасты Иоанн из Солсбери и Гуто де Сент-Виктор (позднее Лейбниц) сравнивали вопросительный знак со змеем Генезы.

Возможно ли познание в блужданиях меж пренатальной и постмортальной неизвестностью? И здесь искушает неутомный «змей»: разве есть у меня онтологический опыт рождения и смерти? Необходимо усилие воображения, попытка «представить себя на месте» розово-визгливого комка плоти или белесо-молчаливой

продолговатости на столе. Смерть для меня риторическая фигура, не более. Моя функциональность - блуждание меж ночью и днем, сновидением и сознательной конкретностью - они, словно мелодические линии, иногда сопрягаются в странном контрапункте.

Делай что угодно, наслаждайся живым пространством. Сутулый земледелец бредёт в поле и вдруг... пропадает. Воеет его жена - хоронить некого. Куда пропал земледелец? Руководствуясь «принципиальным незнанием», скажем: всякий вопрос от сатаны, пропал и ладно. Ученый ответит: в четвертое измерение, покамест гипотетическое. Измерение первое, второе, третье.

Рене Генон занялся этим делом в «Символизме креста» на примере точки, прямой и кривой линии. Замкнутая кривая невозможна - конечная точка никогда не сомкнется с начальной - они сойдутся сколь угодно близко, но зазор, пусть минимальный, останется. Это объясняется движением всего и вся и теоретичностью «плоскости». Окружность равным образом немыслима - поворот циркуля перейдет в другую окружность, в результате образуется спираль. Но и начальная точка пришла извне. Следовательно: «Начальная и конечная точки не являются составляющими линии. То же можно сказать о рождении и смерти телесной модальности - они не входят в «плоскость жизни» индивида» (Символизм креста). Рене Генон имеет в виду: жизнь человеческого тела - дистанция меж двумя моментами инобытия.

<...>

Дважды встретить одного человека нельзя. Нет ни одного объекта, равного или идентичного другому, всегда присутствует минимальное различие, лишняя песчинка на одном из двух идентичных пляжей. Но эта лишняя песчинка центральна. События, повороты судьбы, счастье и несчастье, как правило, зависят от пустяков: апельсиновая корка на пути бегущих ног, горошина под многочисленными перинами принцессы, последняя соломинка на спине верблюда. Смещение уровней происходит совсем незаметно. В «Белом доминиканце» Густава Майринка герой, удивлённый неожиданной загадочностью привычной комнаты и привычного собеседника, вдруг замечает: родинка правой щеки барона оказалась на левой - только такой пустячок обнаружил сон вместо яви. Быстрей крыла мотылька, неслышней изгиба водоросли, недвижней горного кристалла удача переходит в неудачу, любовь в ненависть, вода... в огонь.

[Индекс Головина.](#)

АНРИ ДЕ МОНТЕРЛАН. «ДНЕВНИКИ 1930-1944»

Всякий раз, когда в честь погибшего Патрокла, вокруг его останков, устраивают игры, кажется, что Ахилл целиком вовлечен в зрелище: он подбадривает участников, раздаёт призы; как тут не поверить, что он всё забыл? Но когда всё окончено, когда вдали от того, что его занимало, плач возобновляется, и он ворочается с боку на бок, без сна на своем ложе. Высокое начало последней песни «Илиады»...

Мужские письма умещаются на одной странице. Письма парижанок – на двух или трех. Провинциалок – на шести-семи. Из колоний – на двенадцати.

Самое тонкое удовольствие доставляет тот триумф, что не бросается в глаза.

Всякий красивый человек, что проходит мимо и нам не принадлежит, пронзает нас новой стрелой. Святой Себастиан, утыканный стрелами.

Мои произведения, которые постоянно терпят оскорбления, – это

я сам, словно принц в парадном платье, которого чернь тащит баграми, еще живого, в сточную канаву.

Презирать мир, как я; и тем не менее писать всё время так, как если бы я его уважал: какое еще нужно доказательство, что пишу я вовсе не для него.

Христианство – это когда Жиль де Рэ восходит на костер, а стоящие в толпе матери убиенных им детей молятся за него. – В этом, по крайней мере, одна из вершин христианства, в том смысле, в котором оно достойно уважения.

Француз молниеносно отступает, стоит ему случайно коснуться высокого, как если бы он коснулся гадюки.

Это моя судьба – страдать от того, что не заставляет страдать других; и не страдать от того, от чего они сами страдают.

Как отчетливы очертания этого лица и этой шеи, как они чисты на темном фоне подушки, это тело столь же чистое, это лицо спокойное и ясное, такое нежное и открытое, и всё, что есть за ним: страсть, покой, четыре с половиной года этой страсти и этого покоя, за все четыре с половиной года не в чем даже упрекнуть...

Выходишь из этого мира и погружаешься в мир безразличных, надоедливых и злобных людей. Только мир этого лица не дает вам умереть от того другого мира; только он оправдывает ваше земное существование.

Тот, кто познал глубины бездны, должен знать и то, как воспрянуть духом и выбраться из нее. Я знаю наизусть и то, и другое. Но наступит день, когда уже не выбраться.

«Герой и мученики братства», или «Почему я не выиграл гонку Алжир-Милиана». Мохаммед участвовал в велогонке Алжир-Милиана. Но он был зачарован округлыми ляжками молодого французского гонщика, который шел впереди него. И не мог решиться его обогнать. И поскольку юный гонщик всё время терял преимущество, Мохаммед всё больше увеличивал разрыв, оставаясь позади него. На финишной прямой в Мохаммеде пылают поистине корнелиевские страсти; но нет, это сильнее его: даже в тот миг, когда решается судьба гонки, он ничего не может с собой поделаться, ему не оторваться от райского зрелища. И он так и остается в хвосте колонны.

Женщина позади мужчины на мотоцикле, обхватив его за талию, словно жаба, которую случилось наблюдать Бюрне: прилепилась на спину к рыбе и сжимала ее лапами, предаваясь с ней разврату, и мало-помалу ее задушила.

Ламенне («Слова верующего»), обращаясь к девушкам: «Когда мы видим вас и находимся рядом с вами, в наших душах происходит что-то такое, чему название есть только на небесах». Как это трогательно, в особенности, если знаешь, что Ламенне был педерастом.

«Там была одна блондинка...» «Луи переспал с восхитительно брюнеткой...» В общем и в целом, мужчина может распознавать в женщине только одно – брюнетка она или блондинка.

Жизнь становится восхитительной вещью, как только решаешь не принимать ее больше всерьез.

Здоровье древних.

У древних римлян наблюдается определенная параллель между самоубийством и педерастией, если взглянуть на это с сегодняшней точки зрения.

В наши дни самоубийство считается признаком неврастения, а то и малодушия, и оно внушает чувство отвращения. У римлян оно совершается как нельзя более уравновешенными и достойными людьми: настает момент, когда сумма разочарований, которые испытываешь или которых ожидаешь, намного превышает сумму удовольствий; человек лишает себя жизни, и это называется «разумный выход» (я настаиваю на слове «разумный», оно идет в разрез с нашим современным миропониманием, согласно которому самоубийство в той или иной степени приравнивается к умственному расстройству). Ведь не говорят же нам, что Брут или Менений кончают собой в приступе нервной депрессии; нам говорят, что они оказались побежденными, тем самым давая понять, что установлен какой-то порядок вещей, с которыми те не желают мириться; и этого основания более чем достаточно для оправдания того, что они предадут себя смерти.

В наши дни педерастия считается пороком или же неврозом, как и самоубийство. Нужно ли напомнить, что Август, Юлий Цезарь, Гораций, Вергилий, Антоний, Цицерон, Тиберий, Адриан, Траян, Помпей, Катулл, Тибулл, Марциал, Проперций, Апулей, Агриппа, Меценат обвинялись, при наличии точных сведений, в том, что они были также педерастами? Это великие люди, и у них есть любовницы, жены и дети. Они *также* педерасты, поскольку не понимают, и никто в их окружении не понимает, что это может противоречить здравому смыслу.

Рим напоминает нам о том, что самоубийство и педерастия – обычное дело у людей в высшей степени уравновешенных и составляющих гордость своей страны.

Источник: Анри де Монтерлан «Дневники 1930-1944», пер. с фр. О.Е. Волчек, СПб, 2002.

КАРЛ КЕРЕНЬИ. ДИОНИС. ПРООБРАЗ НЕИССЯКАЕМОЙ ЖИЗНИ

Свадьба змей была вытеснена любовью к быку. Бык этот отличался редкостной красотой, однако это было животное, а отнюдь не перевоплощение божества, в качестве которого Зевс обольстил Европу! Идентичность ζωή в низшей и высшей сферах животного мира – соответственно в змее и быке – была зафиксирована в и в некоем более таинственном мифе. Содержание этого мифа, в свою очередь, конкретизировалось в мистической формуле, которая, вероятно, возглашалась посвященными в соответствующие мистерии и служила своего рода паролем и исповеданием веры (σύμβολον). На основе христианских текстов, из которых она нам известна, ее можно приписать как дионисийским мистериям, так и мистериям Сабазия. Даже в последнем случае она могла бы иметь критское происхождение, а в Грецию попасть обходным путем через Малую Азию. Однако от первоначального дионисийского мифа эта формула отличается тем, что в ней имеет место круговорот: зачатие происходит попеременно в формах змеи и быка. По крайней мере, именно так понимали этот σύμβολον христианские толкователи и латинские переводчики: ἡύύ

Taurus draconem genuit et taurum draco

Бык – змея родитель, а змей – родитель быка.

По-гречески эта фраза звучала следующим образом:

Ταυρός δράκοντος καὶ λαιήρ ταύρου δράκον

Ее можно понимать либо как латинскую версию, либо иначе, что отнюдь не является тавтологией:

Бык – порождение змея, а змей – родитель быка.

По сравнению с мифами, в которых змей и бык порождают друг друга или один только змей рождает быка, любовная связь Пасифаи с быком, от которой был рожден Минотавр – получеловек-полубык – является уже в значительной степени «гуманизированной». В более древнем мифе Минотавр был одновременно тельцом и звездой. Если он обитал в лабиринте, то, значит, он обитал рядом с «владычицей лабиринта» – своей матерью, царицей подземного мира, – пусть и в подземном мире, но там, откуда был выход наружу.

Звездой, утренний восход которой знаменовал собой наступление нового года (в тесной связи с медом, вином и светом), на минойском Крите был Сириус. При этом бросается в глаза известная двойственность, или параллельность, явлений. На небе появлялась звезда, а из пещеры пробивался свет. Празднество света в пещере было мистериальным действием. В отличие от остального, нам удалось установить, когда оно свершалось. В Кноссе, на предназначенной специально для этого площадке для плясок, устраивалась открытая для публики танцевальная процессия, участники которой проделывали путь к «владычице лабиринта» и обратно. Сама владычица находилась в центре настоящего лабиринта, то есть подземного царства; там она рождала своего таинственного сына, тем самым даруя надежду на возвращение к свету. Критское происхождение элевсинских, самофракийских и фракийских (орфических) мистерий в древности усматривали в том, что всё, содержащееся в этих мистериях в тайне, еще в греческое время было доступно в Кноссе для всех желающих. В дошедшем до нас элевсинском предании обнаруживается двойное соответствие критским ритуалам: во-первых, в провозвестии о рождении таинственного сына у владычицы подземного мира; во-вторых, в том факте, что в поисках высшей инициации посвященные шествовали по пути к матери этого ребенка.

Черты сходства с мистериями Великой Богини-матери на острове Самофракия еще недостаточно изучены, однако ввиду вышеизложенного вряд ли можно сомневаться в том, что значительная часть, а, возможно, и ядро всего того, что приписывалось мифическому певцу Орфею, было минойского происхождения.

«Рожденный на Крите Зевс» и «критский Дионис» не принадлежали к греческим божествам. Они не были отделены друг от друга теми границами, которые очерчивали для греков «Бога» или некое божество в его неизменном облике, – они вообще не существовали по отдельности. Характеризуя их, мы можем воспользоваться выражением, которое Льюис Ричард Фарнелл, известный историк греческой религии, применил к божественному существу, называвшемуся в Олимпии Сосиполидом, «спасителем города», и являвшемуся в облике ребенка или змеи: «Зевс-Дионис Критский» Зевс-Дионис – критский предшественник обоих греческих божеств – самовоспроизводился, меняя форму, по мере прохождения сквозь каждую из трех фаз своего мифа, следующих друг за другом подобно актам театральной драмы. Эти три фазы соответствуют трем фазам ζωή -- жизни, которая в дионисийском мифе выступает в мужском обличье и определяется по отношению к женщинам. Первый акт соответствует стадии семени, второй – стадии эмбрион, третий – развитию мужчины, начиная с младенческого возраста. На стадии семени это порождающее само себя божество было змеей, на стадии эмбриона – скорее животным, чем человеком, а с переходом в стадию младенца –

«малым» и затем «большим» Дионисом. Его женским соответствием в качестве праматери и источника ζωή была Рея, а в качестве супруги, роженицы и вновь супруги – Ариадна.

[Цитация по Карл Кереньи, Дионис : прообраз неиссякаемой жизни; \[пер. с нем. А. В. Фролова \(ч. 1\), Л. Ф. Поповой \(ч. 2\)\]. - М. : Ладомир, 2007. - 315 с.](#)

